

Инна Вольская

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Инна Вольская

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

МОСКВА

2010

АННОТАЦИЯ

Очерк содержит несколько эпизодов из жизни военного моряка, активного участника Финской и Отечественной войн.

Отражены характерные черты жизни советского общества на данном этапе.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Я как-то услышала чье-то высказывание: «Человек — тот, у кого в кармане шелестят пачки зеленых. У кого их нет — тот не человек».

Почему-то мне вдруг вспомнились несколько эпизодов из жизни моего мужа, военного моряка, умершего в 2001 году в 90-летнем возрасте.

Какие разные бывают ориентиры. Я, пожалуй, приведу хотя бы несколько деталей из долгой жизни Павла Яковлевича Вольского.

Отдельные эпизоды

Только теперь я, кажется, вполне оценила его героизм, железную волю и светлую искренность. Как жаль, что он этого не прочтет. Но, может быть, даже беглые, очень краткие воспоминания о таких людях небесполезны для новых поколений.

Итак, несколько подробностей. Всего несколько.

1938 год. Кронштадт. Собрание звена торпедных катеров, только что вернувшихся из плавания. Накануне состоялось собрание дивизиона, в который входит это звено. На собрании дивизиона постановили послать приветственную телеграмму т. Сталину в связи со снятием со льдины героев-папанинцев. Теперь снова говорили о героизме папанинцев, и присутствовавший на собрании представитель политотдела бригады предложил опять послать приветственную телеграмму т. Сталину (на этот раз от звена).

Командир торпедного катера Вольский взял слово. — «Резолюция уже принята собранием всего дивизиона, зачем каждому звену отдельно отправлять телеграммы в Кремль. Если каждое звено будет тратить средства на телеграммы, то сам Сталин за это навряд ли похвалит. Скорее наоборот.

Пусть звено присоединит свое решение к решению дивизиона. Ведь в этом и состоит смысл нашего собрания.»

Стали голосовать. Несколько рук рванулось было в поддержку его предложения, но тут же виновато опустились. Все

с ужасом глядели на безумца. Вместо того чтобы приветствовать и благодарить (хоть сто раз!), он позволил себе голосовать против.

Что тут завертелось!

В партбюро дивизиона ему объявили выговор. Потом парткомиссия бригады постановила, учитывая его упорство и нежелание признать «политическую ошибку», исключить из партии. (Даже ходили слухи, что готовится ордер на арест).

Потребовали, чтобы он тут же отдал свой партбилет. Но он не отдал. Взял отпуск и поехал в Москву. А в Москве пошел в политуправление ВМФ, встретил там товарища по училищу, собирался у него переночевать, но тот страшно испугался. «Тебя подведут под рубрику «враг народа» и скажут, что мы с тобой связаны. Нет уж! Заварил кашу, болван, сам и расхлебывай!».

Собирался обратиться еще к бывшему своему соседу, занимавшему теперь высокий пост, но помощник бывшего соседа, выслушав его, сказал, что лучше не трогать начальство: по такому поводу каждый будет от вас шарaxаться!

Побрел он по Москве, взял на утро обратный билет в Ленинград. А ночь не спал. Сидя на вокзале, решил написать короткое письмо самому Сталину.

В письме он рассказал, что был пионером, комсомольцем, служил на Дальнем Востоке, в училище активно участвовал в общественной работе и сейчас в бригаде фигурирует на Доске почета. Что касается голосования, то ведь «предложение карьериста из политотдела наносит вред Вашему имени, доведя дело до того, что каждое звено посылает Вам лично поздравительные телеграммы. Это просто, я считаю, поразительно, что вышестоящие партийные инстанции в этом проявили такое трусливое рвение!».

(Как было не проявить «трусливое рвение» после знаменитого 1937-го).

Он опустил письмо в почтовый ящик и вернулся в Ленинград ждать ответа.

Прошло десять дней. И вдруг его вызывают в парткомиссию КБФ: из Москвы приехал специальный представитель ЦК КПСС!

Долго шло разбирательство, но его туда не пустили, пришлось ждать. «Оказалось, вызывали только для того, чтобы посмотреть на меня и объявить решение», — рассказывал он впоследствии в своих воспоминаниях.

Но он никогда не унывал и ни перед кем не робел. Всегда — исполненное решимости боевое упорство, инициативность.

Представитель ЦК, генерал в армейской форме, очень долго в него всматривался. Наконец, объявил: «Решением парткомиссии КБФ отменяется решение парткомиссии бригады. И, таким образом, дело прекращается полностью».

Это был тот редкий случай, когда «наверху» отличили безоглядную преданность от фальшивого угодничества, подчас доводящего поклонение Сталину до абсурда.

Конечно, не будь у него этой смелой инициативности и упорства, не поехал бы он в Москву, не написал бы письмо Сталину. И наверняка бы погиб, став арестантом, как тысячи других, ни в чем не виновных жертв.

Но потом деятели политуправления, которых он обвинил в «угодливом рвении», потихоньку вложили в его личное дело

бумагу, где говорилось, что он допустил «политическую ошибку»: голосовал против посылки приветствия т. Сталину в связи со снятием папанинцев с льдины. Эта бумага сохранялась в личном деле до времени «оттепели», тогда лишь он узнал о ней, обратился в ЦК, и бумага была изъята из личного дела.

Говорили, что из-за этой бумаги он не получил потом звание героя и не стал адмиралом. Возможно. Теперь это уже значения не имеет.

Подвигов он совершил много. Атаковал немецкую подводную лодку, заблокировавшую три наших подводных лодки в бухте Харалахт, и дал им возможность выйти на свои позиции. В походе, будучи в то время командиром ледокола «Тазуя», был тяжело контужен: немецкий бомбардировщик атаковал и разбомбил корабль. Когда прогремел взрыв, Павел Вольский «совершил взлет на пару метров вверх и грохнулся вниз, обратно на мостик». Сделалось тяжелое сотрясение суставов, но он, несмотря на дикую боль, не лег потом в госпиталь, остался в строю.

И в таком состоянии удалось перейти с тонущего корабля на тральщик (после всей команды, как положено командиру) и

прибуксировать «Тазую» в Каботажную гавань, где она затонула. Ведь бомбежка и взрыв произошли в створе кронштадтских маяков. Дать «Тазуе» именно там затонуть, значило закрыть важный фарватер.

Постепенно затем боль утихла, все наладилось.

В августе 1941 года он последним уходил из Таллина, а через три года, в 1944-м, был в числе первых вернувшихся туда: разминировать гавань от немецких неконтактных мин.

Даже после войны он еще целый год ходил по минным полям: занимался разминированием Финского залива в Ленинграде.

И еще много было сделано. Ему все-таки везло и он верил в душе, что какая-то неведомая сила его хранит и не дает погибнуть.

Он очень многим помог во время блокады Ленинграда.

Как-то на улице к нему подошла интеллигентная старушка и попросила половинку спички. (На большее она не смела претендовать.) Он тут же вытащил из кармана коробку спичек и отдал ей. В блокадном Ленинграде это была большая

ценность. Старушка зарыдала, кинулась его обнимать. В смертельно страшных условиях блокады это было для нее неожиданным счастьем.

2

Вот к примеру, один из важных военных эпизодов — закупорка Пяру. В сущности, операция стратегического значения.

Что значит «закупорка»?

Это значит взорвать корабли в порту, чтобы перекрыть морской путь наступающему противнику. Тогда противнику, чтобы осуществлять переброску и снабжение своих сил, придется воспользоваться сухопутной — железнодорожной колеей. А ее надо перешивать, она здесь узкая. Стремительно наступавший противник остановится, потеряет время. Вот что значит «закупорка».

Решено было командование операцией возложить на капитана 2-го ранга Птохова, а непосредственное выполнение — на флагманского минера охраны водного района главной базы флота старшего лейтенанта Вольского.

Каким был в это время старший лейтенант?

30 лет. Не созерцатель, а человек действия, не троящий попусту слов, быстро принимающий решения. В нем внутренняя сила жизни, воодушевление; вера в свою счастливую звезду.

Он приветлив, искренен, верен долгу. Без сомнений и колебаний свято следует принципам, на которых его воспитывали, начиная с пионерской организации. Он терпелив и неприхотлив, инициативен и беззаветно исполнителен. У всех, связанных с ним, вызывает ощущение надежности.

Капитану 2-го ранга Птохову свыше сорока. Опытный моряк. В прошлом командир миноносца, теперь командир отряда легких сил эскадры. Прошел долгую морскую выучку.

Он отважен и немногословен, демократичен и прост. Старший лейтенант моложе и восторженней. Птохов более невозмутим, «старый морской волк».

3 июля 1941 года противник занял Ригу. Для дальнейшего наступления — на Таллин ему требовалось оперативное и значительное по объему снабжение: боеприпасы, горючее, продовольствие, техника... Немцам надо было спешить захватить не столько город Пярну, сколько его действующий порт.

(Затем Таллин, Нарвский перешеек и от него двигаться на Ленинград). Сами немецкие историки (в частности, Майстер) писали, что закупорка порта Пярну затормозила на 1,5 — 2 месяца наступление немцев на этом направлении.

Что значит в начале войны в условиях внезапного нападения врага выиграть 1,5 — 2 месяца!

Закупорке предшествовала огромная подготовительная работа.

4 июля 1941 года Птохов и Вольский на машине с одним матросом охраны, вооруженным винтовкой, выехали из Таллина и на полпути к Пярну завернули в маленький, довольно запущенный порт Рохикюла, где были склады с боеприпасом еще со времен Первой Мировой войны.

В распоряжение Вольского был передан корабль «Норд», а Птохов на машине с вооруженным матросом отбыл в Пярну для переговоров с представителем ЦК партии Эстонии и местными властями. Вольский остался, чтобы подготовить необходимый боезапас.

Пришлось неоднократно проявлять «инициативность». Например, на складе имелись большие мины образца

1912 года, но к ним не было запальных стаканов. Просили прислать их из Таллина, но оттуда так и не прислали.

Имелись малые мины типа «Р», но они могли взорваться в любой момент: из-за долгого хранения в оболочке запального стакана выступили пикраты — вещества, способные при трении легко вызвать взрыв. А ведь прежде чем вставить в мину запальный стакан необходимо произвести калибровку. Здесь это было невозможно: при калибровке в условиях наличия пикратов легко может произойти взрыв. Были все основания отказаться от этих мин. Но других на складе не было.

Вот когда потребовалось упорство!

В лесу оцепили участок территории. Старшему лейтенанту выделили пять матросов склада и он им показал как, макая в спирт ватку, намотанную на деревянный стержень, осторожно протирать оболочку запального стакана. Потом научил делать калибровку, предварительно осмотрел каждую мину — все ли там чисто. И снова обошел мины, одну за другой, проверяя калибровку.

Удалось затем выставить эти мины в Рижском заливе на подходах к Пярну.

По прибытии в Пярну старший лейтенант съездил на эвакуирующийся аэродром и получил у летчиков подрывной боезапас — патроны и запалы. А на латышском торпедном катере он получил глубинные бомбы.

И, наконец, «закупорка».

В канале порта Пярну была выстроена стенка из самоходных барж, загруженных камнями и скрепленных между собой.

Старший лейтенант Вольский на катере подходил к каждой барже и закладывал по глубинной бомбе с подрывным патроном и запалом. После этого он снова подходил к каждой барже, поджигал запал, переходил на катер и на нем подходил к следующей. Когда поджигал запал в следующей барже, раздавался взрыв в предыдущей. Так, переходя от одной к другой, он взорвал их все.

Теперь надо было затопить транспорт «Эвериго» водоизмещением 8 тысяч тонн.

Капитан «Эвериго» предварительно разгрузил корабль и эвакуировал экипаж.

Старший лейтенант с матросами на катере отправились

к «Эвериго». Подняли на борт боезапас, заложили глубинные бомбы в кормовой трюм и машинное отделение.

После этого он остался на корабле один. Команда ждала его на катере у трапа. Он спустился в кормовой трюм, вставил в патрон запал и бикфордов шнур, поджег. По штурмтрапу поднялся на палубу, затем помчался в машинное отделение и там поджег запал.

Когда был уже в катере, раздались один за другим два взрыва.

Подошли на катере к причалу, где стоял Птохов и с ним еще несколько человек, в том числе капитан «Эвериго».

Корабль набирал воду через пробоины в корпусе, но не затонул. Времени ждать не было. Уже гремела артиллерийская стрельба наступающих немцев.

Поволокли на буксире мину к борту корабля. Повиснув над миной, старший лейтенант прикрепил к ней глубинную бомбу, в горловину которой вставил и закрепил подрывной патрон с запалом. Дал команду катеру приготовиться к немедленному отходу и поджег бикфордов шнур. Дошли быстро на катере до причала, где их ждали, затаив дыхание.

Прошло 10 — 15 минут. Взрыва не последовало. Видимо, имелся в каком-то месте излом, где горение прервалось, не дойдя до запала.

Но оставался еще один, последний запал. Не теряя времени, старший лейтенант снова направил катер к борту «Эвериго».

Это была кульминация. В любой момент качающаяся связка из мины, глубинной бомбы, подрывного патрона и вставленного в него запала могла удариться о борт, задев запал.

Снова он повис на качающейся мине, перерезал крепления запала, осторожно удалил его вместе с остатками шнура. Затем вставил и закрепил новый запал вместо удаленного и поджег бикфордов шнур.

Смертельная опасность миновала; едва он поднялся на причал, как прогремел устрашающий взрыв. Мощный поток воды опрокинул корабль и вскоре на поверхности моря был виден лишь один борт.

Через капитана «Эвериго» старший лейтенант попросил передать благодарность команде катера. По просьбе капитана

командир катера поднялся на причал, и последовало крепкое рукопожатие.

Птохов, не склонный к проявлению эмоций, на этот раз в полном восторге крепко обнял старшего лейтенанта, и, подняв его руку вверх, как это делается в спорте, торжественно произнес: «Триумф минера!».

Вскоре они уже мчались на машине к Таллину. Противник рвался в Пярну, шум его артиллерийской канонады все приближался.

8 июля 1941 года город и порт были захвачены. Но целый год немцы не могли воспользоваться портом.

Именно об этом сожалели немецкие историки, когда писали, что «после взятия Риги 3-го июля наступление вермахта застопорилось».

В разные годы во многих газетах об этом писали. Возьмем пару отрывков из интереснейшей, не очень давней статьи Владимира Морюхи «Флагман против блицкрига», напечатанной в газете Министерства обороны «Красная звезда» (№ 171-172 от 26.07.1997 г.).

«Эту передышку, за которую, как говаривали фронтовики, до гробовой доски поить нужно, обеспечил всего один человек — флагманский минер бригады охраны водного района. Не зная о своем единственном противнике ничего, сами немцы признавали, что закупорка порта Пярну задержала их наступление на 1 — 2 месяца!».

«Выигранные дни позволили не только продержаться Таллинну, но и подготовить, насколько это было возможно, оборону Ленинграда».

А вот начало замечательной статьи научного сотрудника Центрального музея вооруженных сил Сергея Иванникова: «Три подвига Павла Вольского». (Центральный музей вооруженных сил. Информационно-методический сборник, № 9, стр. 31: Москва, 2002 г.).

«В истории, особенно в истории войн, всегда есть события — поворотные вехи, после которых все могло бы сложиться иначе, не окажись на месте в ответственный момент нужного человека. Так случилось в жизни Павла Вольского. Именно от его решительных поступков зависел ход военных действий в Прибалтике, судьбы Балтийского флота и Ленинграда...».

Детали биографии

1

В семилетней школе учительница однажды провела в своем классе опрос об основной черте характера каждого из учеников. У Павла Вольского многие ребята (в сущности, абсолютное большинство), отметили «настойчивость и инициативность».

Обычная биография паренька из глубокой провинции. После семилетки отъезд в Ленинград в 1928 году. Работа на заводе — чернорабочим на авторемонтном, затем грузчиком на электрозаводе. (Нелегкие профессии). Поступил на вечернее отделение рабфака. Домой возвращался в 11 — 12 ночи, вставал в 6 утра и двумя трамваями ехал на завод. Жил в студенческом общежитии. Через год перевели на дневное отделение рабфака. Платили стипендию — 40 рублей.

На заводе в 1931 году был принят кандидатом в партию, в 1932 году стал членом партии.

Окончил рабфак и стал студентом первого курса электротехнического института.

Затем партком рабфака по согласованию с заводом представил в Петроградский райком партии список рекомендованных к принятию в военные училища. В этом списке был и Павел Вольский.

Это был спецнабор ЦК партии в военные училища. С каждым из ребят лично беседовал секретарь райкома. Предоставили день — два на обдумывание, но все дали согласие сразу после беседы.

После приема в училище курсантов построили в центральном дворе. Одеты все были в «робовую форму» (из материала вроде брезента). Черную военно-морскую форму выдали через несколько месяцев.

Первый месяц учились нести вахту на разных постах. Целями днями шли строевые занятия. Командир батальона муштровал нещадно, объявив, что будет выгонять из них «гражданский дух». Потом этих новичков («салаг») отправили в Кронштадт. Здесь вскоре начались шлюпочные учения. На парусной шхуне и в классе прививали морскую закалку, умение справляться со всеми видами работ на корабле, начиная от

уборки. Командир парусной шхуны стремился, кроме четкости, умелости, привить им еще и смелость, умение подавлять страх.

Интересные способы применялись. (Не позавидуешь!). Например, «одним из элементов такой закалки был во время утренней зарядки подъем на самую высокую площадку мачты, — вспоминал бывший курсант. — Делать это надо было и при качке корабля бегом. Каждый крепко держался за что можно было на бегу удержаться, зная, что безопасность в его руках. Командир корабля при этом шутливо приговаривал: «Если кто сорвется, я не гарантирую продолжение морской службы». Конечно страшно, когда внизу под мачтой какие-то огромные железные ящики и т.п. Но еще страшней было бы, струсив, подвергнуться насмешкам товарищей, не скупившихся на шутки.

Так прошла летняя кампания, и начались классные занятия. Вели их опытные, бывалые моряки.

Затем изменилось название их учебного заведения: Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Это был первый его выпуск. Раньше училище выпускало младших лейтенантов, теперь лейтенантов флота.

Он много потом учился. В 1936 году окончил Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, а в 1950 году Военно-морскую академию кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова. Кандидат технических наук, капитан 1-го ранга в отставке.

За время Финской и Отечественной войн много было удивительных подвигов. Да и в мирное время...

Это было героическое, самоотверженное поколение.

Были тогда и мерзавцы, были и преступления и страшная несправедливость. Но, пожалуй, все-таки преобладали героизм, подвиги, скромный самоотверженный труд.

4 декабря 2010 года — столетие со дня рождения военного моряка-балтийца Павла Яковлевича Вольского, человека боевого, смелого, решительного.

Февраль 2005 г.

Вольская Инна Сергеевна
Штрихи к портрету
Публикуется в авторской редакции

Корректор Кирилл Климов

Издатель А.В.Калашников
Лицензия ЛРН№066051 от 10.08.1998 г.

WWW.SAMIZDAM.RU

(495) 7653856

7653856@mail.ru

